

Творческая молодежь: проблемы становления

Много ли актеру нужно?

Современный молодой актер... Какой он! Какие проблемы волнуют выпускника киевского театрального вуза в начале его творческого пути!

В поисках героя будущего интервью я оказалась в Киевском театре драмы и комедии, где шел спектакль «Прощай, Иуда!» по пьесе польского драматурга Иредыньского в постановке М. Б. Лича.

Погас свет, и худощавый юноша с пытливым взглядом светлых глаз, одновременно внимательным и трепетно обращенным куда-то вглубь, в себя, прожил перед нами историю человека, который носил имя Иуда, и всю жизнь, вопреки имени, пытался сохранить душевную чистоту. Не удалось — измена была растворена везде в неустойчивом, зыбком мире действительности: в товарищах по борьбе, не верящих в честность Иуды и угрожающих ему пыткой; в идейных врагах, соб-

ственно, мало чем отличающихся от «соратников» [те же методы, та же неопределенность моральных ориентиров], и даже в любви, которая тоже оказалась ложью. Отравленным воздухом дышит честный Иуда, и вот уже микроб предательства проникает и в его душу. Жить с этим невозможно, и Иуда убивает себя, чтобы хоть так уничтожить ненавистную идею измены.

После спектакля, уже за кулисами, я всматриваюсь в бледное лицо исполнителя главной роли — пережитое еще звучало, отражалось в нем. Тогда и пришло решение: задать вопросы именно этому человеку — выпускнику Киевского государственного института театрального искусства им. Карпенко-Карого Вадиму Горкуценко, который, отслужив после окончания вуза в рядах Советской Армии, провел свой первый сезон в театре. Путь — типичный, одаренность — безусловная. Итак, выбор сделан.

— Что дали вам, Вадим, годы обучения в театральном институте!

— Сначала, конечно, ощущаешь радость от осуществления мечты, от возможности учиться любимому делу. Но очень быстро радужное настроение исчезает, поневоле сменяясь критическим взглядом на процесс воспитания актера. Наш курс вел народный артист УССР А. Г. Решетников, и мы ясно ощущали, что занимаем в его творческой жизни второстепенное место. Преподаватели многих предметов (вокала, сценической речи, мастерства актера) вели занятия однообразно, поверхностно, без углубления в психологию. Большинство из них преподает на русском языке — откуда же возьмется у студента свободное владение украинским, которое, естественно, требуется от него? Завидовали мы студентам ГИТИСа, когда они рассказывали, что занимаются на ипподроме, на высоком уровне овладевают техникой сценического движения. Даже при «сверхэнергии» и помощи со стороны выпускник нашего института ощущает дефицит профессионализма.

— Как же складывается судьба выпускника дальше!

— На выпускные экзамены приходят так называемые «покупатели» — представители театров Ровно, Сум, Чернигова, Житомира, Днепропетровска, Белой Церкви. Лично я получил восемь приглашений. Прежде, чем принять одно из них, решил попытаться найти работу в одном из столичных театров. Вместе с женой Галиной Кияшко, тоже выпускницей нашего института, подготовили отрывок из «Гамлета», пошли в Молодежный театр (тогда им руководил В. Шулаков). Посмотрел режиссер нашу работу прямо в фойе, где

сновали люди, похвалил, заинтересовался фамилиями и... отказал. В театре имени И. Франко отказали без просмотра, сразу.

— Неужели киевским театрам не нужна способная молодежь! Так-таки ни один режиссер не заинтересовался вами!

— К счастью, нашлось исключение. Режиссер театра драмы и комедии, заслуженный деятель искусств УССР Э. М. Митницкий наблюдал за нами на протяжении всех курсов. Понравилась ему моя студенческая работа в пьесе Жироду «Прекрасная Елена» (ставил Игорь Талалаевский). На просмотре я недоиграл минут пять: Митницкий поблагодарил и остановил, предложил позвонить ему на следующий день. Едва дождался утра, так волновался. Наконец услышал заветное: «Берем! Будем работать». Доброжелательность и человечность режиссера тем более ценны, что он брал в театр актера, который должен был сразу идти в армию.

— Вадим, отчего работа в провинциальном театре так не привлекала вас! Ведь талантливый человек и там может найти себя!

— Безусловно, работать творчески можно везде. Но это справедливое утверждение, к сожалению, отдает лицемерием, ибо не подтверждается на практике. Способные актеры есть и на периферии, но атмосфера там не благоприятствует творческому поиску. Об этом говорят и режиссеры, и актеры провинциальных театров.

— С чем это связано, по вашему мнению! Ведь именно из провинциальной антрепризы вышли в свое время выдающиеся актеры, составившие славу отечественной сцены.

— Те имена — уже принадлежность истории. Думаю, что нынешняя ситуация в театре связана с общим кругом проблем, стоящих сейчас перед нашим обществом: застой отразился не только на экономике, но и на духовной жизни людей. Есть надежда на перестройку...

— Кому же, как не вам, молодым, заняться этим!

— Считаю, что мои попытки найти свое место на театральных сценах Киева вполне естественны и не заслуживают осуждения. Если бы пришлось оказаться в театре другого города, старался бы и там работать с полной отдачей, иначе не умею.

Лишь бы только не пришлось говорить в пустоту — это боюсь больше всего.

— Мы уже коснулись проблемы зрителя!

— Да, и это болезненная проблема. Часто приходится играть при полупустом зале. Это очень трудно. Хоть и есть выражение: «Говорить с другими — развлечение, говорить с собой — искусство», однако, как необходимо актеру понимание зрителя! Дыхание зала, его живая энергия вдохновляют, рождают отклик в душе, встречный поток энергии. С одной стороны, мы отлучали людей от театра ремесленными поделками, а с другой — общий уровень бездуховности катастрофически возрасстал. Конкуренция телевидения, кинематографа еще более ухудшила положение театра.

— Выход!

— Только один: работать на уровне современных требований, смелее открывать двери мировой драматургии, лучшим пьесам советских актеров. И готовить — актеров тоже — на мировом уровне, не выпускать из театральных вузов дилетантов.

— Вадим, вы только что упомянули о кинематографе как о конкуренте театра. Но ведь и вы лично, так сказать, «работали на конкурента». Не измена ли это рампе!

— Да, я снимался в кино, на студии имени А. Довженко. Получил небольшие роли: штурмана в фильме «Слушать в отсеках!» и венгерского коммуниста в «Легенде о бес-смертии». Привлекает меня — в плане проверки собственных внутренних ресурсов — специфика работы киноактера: сверхмобильность, способность быстро мобилизовать чувства, «выложиться» за короткое время. К тому же, кино — реклама для театрального актера, то есть вещь нужная. Разве есть творец, которого устраивает безвестность, который не стремится приобрести имя, популярность? Но театр не предаст. Спектакль — интимнее, всякий раз играешь с новой болью, с новыми думами. Власть над залом — волнующее ощущение, могучий инструмент влияния, импульс к самоусовершенствованию. Без этого — неуверенность в себе, душевный разлад.

— Теперь в Киеве появляются театры-студии, кафе-театры... Хотели бы вы лично играть там!

— Нет, такого желания не испытываю. Художественный уровень этих студий чрезвычайно низок; их мало, нет конкуренции, нет тенденции к развитию. Возможно, в будущем... А пока что нехватка профессионалов, о которой я упоминал в начале разговора, обнаруживается и здесь.

— Вы играете в профессиональном театре, который, судя по всему, близок вам. Реализуются ли здесь полностью ваши творческие возможности!

— Коллектив театра драмы и комедии, действительно, стал мне близким. Жаловаться на недостаток внимания не имею оснований, ведь только год, как я вернулся из армии. Роль Иуды дала возможность углубленного анализа, кропотливой работы над образом; совсем в другом ключе пришлось потрудиться над ролью Ричарда Львиное Сердце в спектакле «Лев зимой». Но свободное время (хоть для актера это понятие весьма теоретическое) отдаю любительской студии при театральном клубе под руководством А. Ф. Липцына — талантливого режиссера, незаурядного, интеллектуального человека. Уже три года он терпеливо выращивает свою труппу. Думаю, это будет чрезвычайно интересным коллективом, с неповторимым лицом.

— Чего ожидаете от будущего!

— Хотел бы быть соучастником творческого процесса, получать удовольствие не столько от аплодисментов, сколько от процесса творчества...

Н. МАЗУР.